

Зайцева С.А.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.56.158-182

Генезис свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе

Аннотация: Теория свободной оценки доказательств, исходя из логической природы доказывания вообще и доказывания в судопроизводстве в частности, заменила систему формальных доказательств системой свободного убеждения судьи, слагающегося на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их связи и совокупности. Отмена теории формальных доказательств и замена её принципом свободной оценки явилась значительным шагом в совершенствовании исторических форм и методов осуществления правосудия.

В настоящее время российская теория доказательств рассматривает оценку доказательств по внутреннему убеждению в диалектическом единстве объективного и субъективного доказательства, не имеющего заранее установленной силы.

Ключевые слова: доказательство; оценка доказательств; внутреннее убеждение; уголовный процесс; доказательственное право; доказывание.

В различные исторические периоды подходы к оценке доказательств в российской науке отличались качественным своеобразием, чему есть ряд объяснений [12; 13; 2; 5; 7; 14; 9; 18; 19; 20].

При действии обвинительного процесса, система доказательств, сложившаяся под большим влиянием религиозных воззрений того времени,

---

♦ **Зайцева Светлана Александровна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Саратовского юридического института МВД России, Саратов, Россия. E-mail: k_ugpro@ssla.ru

включала в себя различного рода ордалии – испытания огнем, водой, раскаленным железом и т.д., как вида архаического права.

Характерной для розыскного (инквизиционного) процесса была так называемая система формальных доказательств, которая проявлялась, прежде всего, в строгой регламентации действий по оценке доказательств. Система доказательств строилась на исходном положении, опиравшемся на то, что ценность каждого вида доказательства должна заранее устанавливаться волей монарха, облеченной в форму закона. Закон определял, какие доказательства были совершенными (полными), какие второстепенными и возвеличивал признание обвиняемым своей вины в «царицу доказательств».

Значение конкретного доказательства определялось не только его содержанием, но и социальным положением или какими-то иными личными качествами свидетелей, что находило выражение в строгой иерархии доказательств: показания знатного свидетеля имели преимущество перед показаниями незнатного, показания духовного лица – перед показаниями светского, показания мужчины – перед показаниями женщины.

Теория формальных доказательств для своего времени явилась, безусловно, одним из культовых достижений по сравнению с предшествующей ей системой доказательств раннего феодализма. Она достигала своей цели – оградить отправление правосудия от произвола судьи, но не достигала самой главной цели, для которой была создана – цели правосудия. Судебный приговор удовлетворял формальным требованиям закона, но не удовлетворял требованиям правосудия. Теория свободной оценки доказательств, исходя из логической природы доказывания вообще и доказывания в судопроизводстве в частности, заменила систему формальных доказательств системой свободного убеждения судьи, слагающегося на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их связи и совокупности. Отмена теории формальных доказательств и замена её принципом свободной

оценки явилась значительным шагом в совершенствовании исторических форм и методов осуществления правосудия.

Впервые оценка доказательств по внутреннему убеждению получила свое развитие при состязательном уголовном процессе, получившем своё распространение в государствах с англосаксонской системой права. Однако и здесь еще сохранились некоторые элементы формальных доказательств – придание особого значения признанию обвиняемым своей вины, нормативная фиксация критериев допустимости доказательств и т.д. Основанная на субъективных представлениях о непознаваемости объективной истины, теория свободной оценки доказательств предоставила возможность судьям признавать истиной по уголовным делам то, что по их внутреннему убеждению является таковой. Судьи не должны были ссылаться на доказательства, которые привели их к этому убеждению. Их решения не мотивировались. Признание внутреннего убеждения как критерия истины в уголовном судопроизводстве согласовывалась с идеалистической направленностью буржуазной правовой идеологии эпохи расцвета капитализма. При этом следует иметь в виду, что определяемая как «свободная», оценка доказательства, производимая судьями по их внутреннему убеждению, являлась далеко не свободной от классовых интересов буржуазии, ставленниками и выразителями интересов которой они являлись.

Представляется неоправданным смешение оценки доказательств по внутреннему убеждению с принципом «свободной оценки доказательств», которая, по существу, узаконивала неподотчетность суда присяжных в вопросах выводов о доказанности или недоказанности фактов, освобождая его от обязанности привести какие-либо доводы и мотивы в подтверждение этих выводов. «Свобода оценки» здесь состоит в независимости от конкретных фактических данных и их объективных свойств, в возможности

иррационального убеждения по впечатлениям. Западные юристы в своих работах подчеркивали, что, во-первых, в государстве часто «оценка доказательств основывается... не на разборе их внутренней силы, а на непосредственном впечатлении присяжных, произведенном на них тем или другим показанием или личностью говорившего перед ними» [6, с. 491]. Во-вторых, приговоры такого суда «строятся на показаниях, которые не связаны с существом дела, на данных из прошлого подсудимого и его репутации, на наружности подсудимого и его близких, на внешнем виде», и в-третьих, судьями «при решении вопроса о виновности применяются шаблоны» и «если трудное дело и плохое впечатление совмещаются, то это может быть пагубным для невиновного» [21, с. 291; 17, с. 181-182].

Наиболее полно и широко свободная оценка по внутреннему убеждению раскрылась в смешанном уголовном процессе. Первым воспринял новую систему французский Устав уголовного судопроизводства. Наиболее ярко она выразилась в ст. 342 этого Устава и в Инструкции присяжным заседателям. Закон не требует у присяжных отчета в средствах, путем которых они приходят к своему убеждению; он не предписывает им правила, в зависимости от которых они должны оценивать полноту и достаточность доказательств. Он предписывает им спросить самих себя «в молчании и сосредоточенности и поискать в чистоте их совести», какое впечатление произвели на их разум доказательства, выдвинутые против обвиняемого, и средства его защиты. Закон не предлагает им считать истинным каждый факт, подтвержденный определенным числом свидетелей, либо недостоверным доказательство, не подтвержденное каким-либо числом улик. Закон ставит только один вопрос: есть ли у вас внутреннее убеждение, что обвиняемый виновен либо невиновен?

Теория свободной оценки доказательств выражала провозглашение таких принципов организации и деятельности суда, как участие народных

представителей, публичность, гласность, состязательность, свобода судейской совести.

Интерес к свободной оценке доказательств в России наиболее остро стал проявляться в связи с нововведениями, вызванными судебной реформой 1864 года. Этой реформой был введен суд присяжных, и Россия стала причастной к свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению.

Принятые в 1864 году Судебные Уставы были, по справедливому определению А.Ф. Кони «плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием составителей об их ответственности перед Россией, жаждой осуществления правосудия в его действительном значении» [8, с. 5].

Усилиями отечественных ученых-юристов была разработана теория судебных доказательств русского уголовного процесса. Пытаясь ограничить произвол в оценке доказательств, они утверждали, что внутреннее убеждение не может быть просто субъективным впечатлением судьи, не имеющим каких-либо оснований. Оно должно быть основано на доказательствах, проверенных в суде. Вместе с тем, некоторые из них признавали, что установление истины является целью доказывания, так как несовершенство доказательств, эмоциональные переживания судей приводят к установлению уголовно-судебной достоверности, которая является степенью вероятности [12, с. 182].

Критерием оценки доказательств в суде было провозглашено внутреннее убеждение судей. «Оно вытекает из объективных оснований, порождающих в судье объективную уверенность; оно должно быть сознательным, т.е. таким, в отношении которого судья мог бы всегда дать себе отчет, почему сложилось оно у него» [14, с. 379]. Критикуя воззрения В.К. Случевского, советские процессуалисты часто ссылались на следующее его высказывание: «в делах судебных» нельзя говорить о «полной несомненности». Но думается, что эти слова выражали отнюдь не концепцию недостижимости

истины в уголовном процессе и вовсе не отказ от постановки перед судом такой цели. Смысл приведенных слов в другом: предостеречь юристов от чрезмерного оптимизма и веры в непогрешимость своих выводов. В указанном учебнике В.К. Случевский писал, что внутреннее убеждение «должно быть продуктом критического отношения судьи как к наблюдаемым фактам, так и к тому психологическому процессу, при помощи которого он их воспринял» [14, с. 379].

Однако авторы Уставов опасались, что новизна такой оценки может вызвать ряд практических затруднений в судах, особенно в тех случаях, когда оценка доказательств должна будет производиться присяжными заседателями, то есть людьми, не имеющего юридического образования. Поэтому составители Устава решили, что в нем надлежит поместить в виде особого приложения главнейшие правила оценки доказательств, не имеющие силы закона, но основанные на житейском опыте и логике. Они должны были помогать судьям и присяжным разбираться в сложных делах и приходиться к правильным выводам в вопросе о доказанности совершения преступления подсудимым. В числе намеченных составителями правил об оценке доказательств были следующие положения:

1) Подсудимый признается невиновным, доколе противное не будет доказано. Всякое сомнение о вине или о степени виновности подсудимого объясняется в его пользу.

Это положение представляет собой формулу так называемой презумпции невиновности [14, с. 74; 18, с. 64-65; 13, с. 345], признаваемой в теории процессуального права, смысл которой неоднократно подвергался обсуждению [19, с. 216-220; 2, с. 166].

2) Указывался ряд обстоятельств, при наличии которых «собственное признание подсудимого не принималось в уважение».

3) Указывался также ряд обстоятельств, при наличии которых «показания свидетелей не принимались в уважение».

4) Признавались достоверными акты, составленные в присутственном месте или у должностного лица в отношении удостоверяемых ими фактов, «доколе противное не будет доказано».

5) Давалось следующее определение улики и их доказательственной силы: «Уликой признается всякое обстоятельство, из которого можно вывести заключение или о событии преступления, или о вине подозреваемого лица. Те только улики могут быть приняты во внимание при решении дела, которые имеют несомненную связь с предметом суждения».

6) «Ни собственное признание подсудимого, ни показание свидетелей не принимаются в уважение; если оно сделано не на суде, а предварительном следствии, без присутствия при том посторонних лиц» [20, с. 791-792].

Однако мысль о помещении данных правил в Уставе в дальнейшем была отвергнута. Было признано, что данная инструкция представляла бы судьям и присяжным «легкий способ постановления решений подведением обстоятельств под известные и единожды навсегда установленные формулы, без самостоятельного разбора значения каждого обстоятельства и без тщательного соображения силы всех обстоятельств в совокупности» [15, с. 275]. Поскольку председательствующий судья был обязан объяснить присяжным заседателям «общие юридические основания к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого» (ст. 801 Устава Уголовного Судопроизводства, далее УУС), закон выдвигал следующие требования: «Общие основания к суждению о силе доказательств объясняются председателем суда не в виде непреложных положений, но лишь в смысле предостережения от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого» (ст. 803 УУС).

В современный период данные правила составляют основу напутственного слова председательствующего присяжным заседателям перед удалением их в совещательную комнату. «Это надо сделать просто и удобопонятно, внимательно оценивая доказательства, не допуская присяжных уклоняться на пути логического мышления в разные закоулки и переулки, и снимая неверно написанные декорации, загораживающие трезвую правду дела» [13, с. 510-511].

Данная теория свободной оценки доказательств была положена в основу создания теории доказательственного права. Основное её правило заключалось в том, что для дела имели значение только те обстоятельства, которые являлись содержанием этого дела и входили в состав его элементов, то есть составляли предмет и пределы доказывания.

Из этого следовало, что первое правило доказывания касалось относимости доказательств. Относящиеся к делу обстоятельства и представляли собой вопросы, подлежащие исследованию. Естественно, что они лишь тогда приобретали свое значение, когда стояли в логической связи с содержанием дела и его юридическими элементами.

Второе правило доказывания заключалось в том, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть подтверждены лишь доказательствами, с процессуальной точки зрения допустимыми. В этом смысле теория доказательств делила их на первичные, получаемые из первоисточника (свидетель лично наблюдал факт либо этот факт устанавливает документ), и вторичные, получаемые из вторых рук (свидетель слышал о факте либо существует только копия документа), и рекомендовала суду пользоваться более достоверными первичными доказательствами, а вторичными - лишь тогда, когда нет возможности добыть первичное доказательство.

Третье правило доказывания состояло в том, что для дела имели одинаковое значение все доказательства в указанных пределах их связи с делом и их допустимости. Большая или меньшая степень их убедительности, их доказательственной силы, приводила только к упрощению или усложнению того мыслительного процесса, путем которого суд приходит к убеждению в существовании или не существовании юридически важных фактов. Теория формальных доказательств делила доказательства на прямые и косвенные (улики) и считала последние доказательства несовершенными [10, с. 11].

Для того чтобы формирование внутреннего убеждения судьи оставалось вполне свободным и не переходило в систему произвола в решении дел, Уставами были предусмотрены общие правила, обязательные для каждого судьи “как в силу их разумности, так и в виду охранения их кассационными судами”. Первое правило гласило, что основанием для приговора должны быть исключительно данные, предоставленные суду и проверенные в судебном порядке (119, 733 УУС). Отсюда - не могли быть доказательствами, например, обстоятельства, только лично известные судье, данные полицейского дознания или письмо не опрошенного на суде свидетеля и т.п. Второе правило предусматривало постановление законного приговора только при условии, что он основан на всех обстоятельствах дела, т.е. ни одно данное не осталось без обсуждения. Все участвующие в процессе имеют право представлять имеющиеся у них данные или доказательства, служащие раскрытию истины, и суд не может отказывать без особого к тому основания в их рассмотрении, более того, помимо ходатайства того или другого участника процесса, суд должен сам собирать доказательства, если наличных недостаточно для раскрытия истины. Третье правило сводилось к тому, чтобы все обстоятельства дела обсуждались не иначе, как по их совокупности, т.е. (как это мы понимаем), в сопоставлении друг с другом:

суд должен не только иметь в виду все доказательства по делу, им решаемому, но и обсудить значение каждого из них для установления известного факта или отрицания его при наличии других, относящихся к тому же факту и стоящих в противоречии с этим доказательством; только сопоставляя такие доказательства друг с другом и принимая во внимание другие, самостоятельно от них приводящие к заключению о существовании или несуществовании того же факта, и можно составить правильное убеждение, причем обязательно руководствуясь законами логического мышления. Если из мотивировки приговора высший суд усмотрит нелогичность рассуждений суда, допущенных при сопоставлении обстоятельств дела друг с другом, как и в других отношениях, то приговор должен быть «кассирован». Четвертое правило, наконец, относилось к способу оценки каждого отдельного доказательства: оно должно оцениваться: 1) сообразно своей сущности или природе; 2) по «близости его к известному подлежащему доказыванию факту, по его связи с последним». Например, какова заинтересованность в исходе дела свидетеля или какова его нравственная личность, как близко он наблюдал событие, о котором повествует и т.д. [1, с. 71-72].

Цитируя мнения составителей судебных уставов, профессор И.Я. Фойницкий писал: «Убеждение, не знает других законов, кроме указаний разума и внушений совести. Оценка доказательства есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением» [19, с. 216], - указывал он далее, отграничивая оценку доказательств по внутреннему убеждению от оценки по впечатлениям, которые являются, по его словам, продуктом одних лишь чувственных восприятий, не проверенных умственным процессом.

Внутренне убеждение, по этой теории, представляется мерилom «уголовно-судебной достоверности», означающей «нравственную

очевидность», т.е. ту высокую степень вероятности, при которой «благоразумный человек» считает уже возможным действовать в случаях, когда «судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обуславливающих самый акт решимости» [2, с. 14].

Ученые-процессуалисты конца XIX века и особенно начала XX века всю задачу судебного решения сводили к субъективной уверенности судьи в правильности своего решения. Они были далеки от объективной или материальной истин, от признания возможности установить в судебном процессе несомненную, абсолютную истину и готовы были довольствоваться более простым и легким делом - получением впечатлений, может быть, даже не очень глубоких и не подкрепленных основательным и серьезным анализом.

После Октябрьской революции 1917 года и отмены суда присяжных вплоть до 1922 года в законодательных актах о судах не содержалось регламентации вопросов доказательственного права, хотя требование оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, опирающемуся на социалистическое правосознание, было провозглашено советским правом с первых же дней его существования.

Уже в первом Декрете о суде от 24 ноября 1917 г. была подчеркнута особая роль «революционного правосознания» в деятельности суда. Далее на это неоднократно указывалось и в других декретах [2]. Проводя ясную ориентацию на внутреннее убеждение судей при оценке доказательств, первые декреты прямо не называли внутреннее убеждение в качестве критерия оценки доказательств. Это было сделано в УПК 1922 г., который провозгласил принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 57 и ст. 319 УПК 1923 года). В 1924 г. оценка доказательств по

внутреннему убеждению утверждается Основами уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (ст. 20, 23). Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. в ст. 17 и УПК РСФСР 1960 г. в ст. 71 вновь и окончательно закрепили этот принцип оценки доказательств.

Вместе с тем следует заметить, что в советском уголовном процессе существовала теория «объективизации», согласно которой вещественные доказательства, документы, заключения экспертов обладали большей доказательственной силой, чем показания свидетелей.

В 1920-1940 годы ряд советских юристов понимали судебное убеждение не как принцип оценки доказательств, а как критерий истины в уголовном судопроизводстве [9, с. 11-13; 12, с. 15-28]. Но в 1955-1966 годы, подвергнув критике понимание внутреннего убеждения как критерия истины и исходя из положений диалектического материализма, доказали, что единственным критерием истины в уголовном судопроизводстве может быть только практика [16, с. 290; 3, с. 15-16; 11, с. 61-63].

В настоящее время российская теория доказательств рассматривает оценку доказательств по внутреннему убеждению в диалектическом единстве объективного и субъективного доказательства, не имеющего заранее установленной силы.

Библиография

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910
3. Голунский С.Н. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе//Советское государство и право. 1955. № 7, с. 15-16.

4. Декрет о суде № 1, 2, 3; Положения о народном суде от 30 ноября 1918//СУ РСФСР 1917. № 4. Ст. 50; 1918 № 26. Ст. 402; 1918. № 52 ст. 589; 1918. № 85. Ст. 889.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1911, 1947.
6. Кони А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М., 1959.
7. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе//Сб. «Избранные произведения». М., 1956.
8. Кони А.Ф. Судебные Уставы 1864 г. Петроград, 1914.
9. Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса. СПб., 1916.
10. Люблинский П.И. Очерк доказательственного права. СПб., 1910.
11. Пашкевич В.П. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1966.
12. Познышев С.В. Элементарный учебник уголовного процесса. М., 1913.
13. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916.
14. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1898, 1913.
15. Ст. 766 Устава уголовного судопроизводства в издании Государственной канцелярии. СПб., 1866.
16. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
17. Фаткулин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.
18. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.
19. Фойницкий И.А. Курс уголовного судопроизводства. СПб., М., 1955.
20. Чельцов-Бебутов М.А. Очерк истории советского уголовного процесса. М., 1948.
21. Fitzgerald P.J. Criminal law and Punishment/ Oxford, 1961.